

АЛЕКСЕЙ  
ПИСЕМСКИЙ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

T8 RUGRAM

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
ПЗ4

**Писемский, А.Ф.**

ПЗ4 Путевые очерки / А.Ф. Писемский. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. – 166 с. – (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-66011-2

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Алексея Феофилактовича Писемского «Путевые очерки».

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
ВІС FC  
BISAC FIC000000

## СОДЕРЖАНИЕ

---

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.....	5
Астрахань.....	5
Бирючья коса.....	28
Баку.....	32
Тюк-Караганский полуостров и Тюленьи острова ...	45
БАТЬКА.....	52
ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА.....	91



## ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

---

### Астрахань

Выехав из Саратова, я уже был на настоящем юго-востоке: солнце пекло, как у нас в последних числах марта. Везли меня по Волге, на которой чувствительно потрескивал лед, а по сторонам виднелись полыньи и проруби, ничем почти не огороженные. Вместо правильно расположенных и плотно выстроенных деревень наших верховых губерний я видел на обрывистых берегах какие-то хатки-мазанки, а около них непокрытые, из плетня, загородки для скота. Из попадавшихся сельских церквей хоть бы одна каменная. Все это, если хотите, довольно живописно при заходящем солнце, но и только.

В Дубовке я увидел в первый раз волжских казаков, которые дожидали там проезда из Оренбурга астраханского губернатора, чтобы держать ему почетный караул. У большей части из них тип лиц и одежды довольно характерен и представляет смесь служивого человека и мужика. История волжского казачества коротка: это частью казаки-переселенцы с Дона, частью сосланные Петром стрельцы, перекрещенные калмыки, татары и, наконец, беглые беспаспортные русские люди. Из всей этой смеси теперь образовано три или четыре полка. Понятно, что правительственная цель поселения их была в противодействие набегам кочую-

---

щих племен, чему они, надобно сказать, и противодействовали по пословице: «Кулак на кулака нашел», — хотя в то же время и сами были не безгрешны. Такова, по крайней мере, народная молва, которую удалось мне подслушать при проезде моем чрез Антипинскую станцию<sup>1</sup>. Там загорелась церковь. Народ, по обыкновению, бестолково принялся тушить пожар: кто таскал церковную утварь, кто кидал лопатами снег в разбитые окна; двое или трое плотников отвязывали и спускали колокола с колокольни, но вдруг пламя вырвалось из-под церковной крыши и сразу охватило дымом и огнем колокольню и людей. Толпа дрогнула; мальчишки заревели, бабы завывали, мужики только крякнули.

— Ну, паря, попали наши ребята, не вывернутся, — проговорил один из них.

— Господи, что же это такое! — невольно воскликнул я.

— Не на угодные, сударь, видно, богу деньги сооружен наш храм божий, — проговорил стоявший около меня старик.

— Это отчего? — спросил я.

— Казаки ведь его выстроили! Другой наворовал да награбил, может, не одну душу человеческую загубил, так и давай строить храм, чтобы отпущение грехам было. Казацкая денежка тоже всякая.

Человека два или три стоявших около мужиков подтвердительно кивнули головами.

— Каинской жертвы, видно, бог не приемлет, вот теперь душа душу и окупает, — заключил старик.

За Царицыным дорога пошла, к вящему моему удовольствию, горами, но — увь! — это приятное ощущение

---

<sup>1</sup> В 30-ти, кажется, верстах от Саратова. (Прим. автора.)

ние было только на первых порах, а потом пожалел я и о Волге. Не знаю, как летом, но зимой трудно вообразить себе что-нибудь безотраднее этого пути. Представьте себе снежную поляну, испещренную проталинами, а над ней опрокинутое небо. Хоть бы деревенька, огородик, дымок на горизонте, только изредка попадаются таловые без листьев деревья да мелькают однообразно столбы. Из живых существ разве увидите медленно тянущиеся возы да десятка два-три ворон, которые пронесутся бог знает откуда и куда, и все это еще в хорошую погоду; но бывают метели. Я, как выросший в лесной губернии, не мог никогда вообразить себе, что это такое: среди белого дня за две сажени ничего уже нельзя видеть; что-то вроде крупы, песку, снегу падает сверху, поднимается с земли, наносится с боков. Захваченный такою метелью, я с человеком приютился в кибитке за рогожей, но бедный извозчик с залепленными глазами поворотил лошадей как-то назад и проехал таким образом, не догадываясь сам, несколько верст, и только попавшиеся навстречу обозники надоумили его.

Степной характер, чем ниже спускаться, тем ясней и ясней обозначается. Стали попадаться арбы, запряженные волами, верблюды, навьюченные и под верхом, и, наконец, показались калмыцкие кибитки, издали похожие на копны сена, а вблизи не что иное, как войлочные шатры.

С самими калмыками я познакомился на первый раз в Енотаевске, маленьком и грязном городишке, и долго, вероятно, не забуду этого впечатления. Я въезжал в сумерки и вижу, что со всех сторон проходят какие-то мрачные и на вид подозрительные фигуры в малахях, овчинных тулупах и штанах и флегматически меня осматривают.

— Что это за народ? — спросил я извозчика.

— Калмык, — отвечал он.

— Экие некрасивые, — заметил я.

— С чего ему красивому быть, — подхватил извозчик. — Зверем в степи живет, всяку падаль трескает; ребятишки, словно нечистая сила, бегают голые да закопченные.

— А ты не здешний?

— Нет, не здешний, какой здешний! Я верховой.

— Что же, тебе не нравятся калмыки?

— Да чему же нравиться? Дикий народ, — отвечал извозчик, — а сердцем так прост, — прибавил он.

— Прост?

— Прост. Приезжай к нему теперь в кибитку хошь барин, хошь наш брат мужик, какое ни на есть у него наилучшее кушанье, сейчас тебе все поставит. Меня, псы, за незнамо, кобылятиной накормили, с год после того тошнило.

— А буняют иногда по дорогам?

— Нет. Лошадей воровать али другую скотину — так ловки, и промеж себя, да, пожалуй, и наш брат извозчик не зевай, как раз шею намылят, и отобьют коней, да и угонят в степнину, — поди ищи там, как знаешь.

Почтовая езда становилась все хуже и хуже; измученные лошади, отсутствие хоть сколько-нибудь устроенной дороги и ко всему этому по времени года распутица; то вы едете в санях по льду на отмелях Волги, то в кибитке по буеракам и косогорам. В воздухе тепловато, но сыро, и скорее походит на гнилую нашу осень, чем на зиму. «Так вот он, — думал я с грустью, — наш благословенный юго-восток, который я в таком приятном свете представлял себе в холодном Петербурге; так вот это наше волжское приволье с его степями,

табунами и кочевниками!» Летом, вероятно, все это ожидаться, но теперь бедно, неприглядно, а главное, пустынно. Много надобно труда, много надобно поселить людей и других людей, чтобы оживить эти пустыни; степняк вряд ли сам по себе способен к улучшению: его надобно сильно понукать и знать, в чем понукать. Проезжая теперь по этим безлюдным и полным безмятежного покоя окрестностям, странно даже подумать, что некогда тут существовало воинственное царство Золотой Орды, что наши великие князья ездили чрез эти степи на поклонение своим грозным завоевателям, встречая или унижительное покровительство, или, чаще того, позор и даже смерть; но всему прошла своя пора; время поглотило и людей, и силу их, и власть, и даже память об них, так что теперь трудно отыскать достоверное сказание о том, что было и как было. Еще Самуил-Георг Гмелин, доктор врачебной науки императорской Академии наук и разных ученых обществ член, путешествовавший по Астраханской губернии в 1770 году, говорит: «Кто желает в неизвестностях или сумнительствах бытописания упражняться, тот нигде лучше своих догадок употребить не может, как при древней и средней истории города Астрахани, а потому довольно будет начать с тех времен, в которые сей город и все Астраханское царство присоединено к Российскому государству».

Не желая в сих «сумнительствах обретаться», последуем и мы примеру Гмелина и начнем с того, что покорил Астрахань и вознес над ней главу свою царь Иван Васильевич при астраханском хане Этмурчее. Этмурчей, а по-татарски Джан-Турчей, прислал в Москву посланником князя Ишима с просьбою к царю — принять его под свое покрови-

тельство. Царь, приняв посла милостиво, согласился на его прошение и на другой год отослал его обратно к Этмурчею вместе с своим посланником Себастианом, которому наказано было разведать и привести весь народ по их вере к шерти (присяге).

Между тем прибыли в Москву послы из Нагаи от Измаил-Мурзы и других татарских князей с жалобой к царю на несправедливости Этмурчея, прося его о помощи и обещаясь служить ему не щадя живота. Отношения, как видите, не совсем искренние. Пронырливый хан как будто бы добровольно отдает себя во владение, а в сущности для того, чтобы удобнее теснить других татарских князьков; а царь, с своей стороны, тоже как будто бы обещает только покровительство, но в то же время принимает милостиво жалобы на Этмурчея и посылает к нему посла приводить народ к присяге. Дело разрешилось тем, что хан ограбил нашего посла, и возгорелась война... Но здесь я лучше буду продолжать по возможности подлинными словами единственного письменного сказания о покорении Астрахани, напечатанного Рычковым в 1774 году, которое, мне кажется, своим тоном яснее и нагляднее, чем мои передаточные речи, представит читателю столь отдаленную эпоху.

«И он, Великий Государь, царь Иван Васильевич, — говорит сказание, — не стерпя своей обиды и от нагайских мурз не презрев к себе челобитья, изволил послать на Астрахань на Этмурчея царя с орды его Дербишь-Алея царя Касимовского и с ним воевод своих князя Юрия Ивановича Пронского-Шемякина с товарищами, разверстав их на три полка. И указал Великий Государь быть большому полку воеводою князю Юрию Ивановичу Пронскому да Михайлу